

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИКЪ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА
«РОССИЯ И ПАЛЕСТИНА: КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ СВЯЗИ
И КОНТАКТЫ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ»

(МОСКВА — СВЯТО-ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА —
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА)
23—27 ЯНВАРЯ 1990 ГОДА

31-й (94-й) ВЫПУСКЪ

ИЗДАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

МОСКВА

1992

Дерек Хопвуд
(Великобритания)

РУССКАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПАЛЕСТИНЕ ДО 1914 г.

Империалистическая Россия в период с 1850 по 1917 г. была обществом, которому предстояло пережить несколько крупных кризисов, в том числе два военных поражения и убийство царя, и которое было раздираемо глубокими противоречиями. Споры разгорались вокруг общественной и политической реформы, роли церкви, образования и крестьян. Под вопросом было само существование общества. Одни считали, что Россия должна развиваться по западноевропейскому образцу, другие — что страна должна сохранить свой славянский, православный облик. В XIX веке Россия была также и сильной империей, постоянно расширявшей свои владения за счет Центральной Азии и Дальнего Востока, а также государством, участвовавшим в европейском дележе власти. Ее отношения с Османской империей наложили отпечаток на ее дипломатию этого периода. Именно эта страна и это общество, будучи не уверена в своей настоящей роли в мире, решила, что ей надлежит проявить себя в Сирии и Палестине, продемонстрировав русскую силу и интересы и одновременно выступая в противовес деятельности западных держав. Ни прецедента, ни отправной точки не существовало. Очевидно было одно — действовать следует через православную церковь в этом районе.

Православная община представляет собой группу автономных церквей, разделенных на ряд патриархатов. В Билад аль-Шам их два — патриархат в Иерусалиме и патриархат в Антиохе. *Первым* среди равных является Патриарх Константинополя. В XIX веке Русская церковь управлялась светским органом, священным Синодом. Петр Великий ликвидировал Русский патриархат, стремясь к тому, чтобы церковь была в большей степени под контролем государства. Поскольку все патриархаты автономны, то теоретически запрещается другим православным христианам в них работать без разрешения соответствующего патриарха. Положение патриархатов Иерусалима и Антиоха в XIX веке осложнялось тем, что патриарх и иерархия были греческими, а низшее духовенство и миряне — из арабов. Это создавало неспокойную обстановку, которая усугублялась по мере роста арабского национализма в конце XIX — начале XX вв. Русские питали братские чувства и сострадание к своим собратьям по вере в Сирии и особенно к арабам, которые, по их мнению, страдали под господством коррумпированной и тиранической греческой иерархии.

Другие европейские державы осуществляли активную деятельность в этом районе часто при помощи церкви — либо протестантской, либо католической, — и Россия сочла естественным последовать этому примеру. Проблема же заключалась в том, что греки не желали, чтобы русское присутствие подрывало их позиции. Некоторые русские также считали неудобным начинать войну нервов с православными братьями — греками из-за арабской паствы церкви. Они считали, что такие действия могут только ослабить церковь, особенно на фоне протестантской и католической миссионерской деятельности. Другие русские

успокаивали свою совесть, утверждая, что они спасают арабскую церковь от полного упадка в условиях пренебрежительного отношения к ней со стороны греков. Как бы то ни было, деятельность русских непременно должна была оказать влияние на местное арабское общество. Некоторые русские государственные деятели и дипломаты мало принимали во внимание церковь и не очень-то стремились использовать ее в качестве средства для достижения государственных целей. Они были заинтересованы в первую очередь в государственном (национальном) престиже и влиятельном положении внутри Османской империи. И если церковь можно было использовать для достижения этих целей, то хорошо.

Начиная с 1843 г. и далее, Россия осуществила ряд проектов в Сирии и Палестине в области религии, медицины, паломничества и образования. Образование как раз и является темой данной работы. Для большинства русских образование подразумевало укрепление молодых православных арабов в их религиозной приверженности, причем делалось это в противовес просветительской деятельности других церквей и традиционным методам религиозного образования. Этому русскому предпринимательству мешали несколько факторов, но главным образом — отсутствие квалифицированных преподавателей как из числа местных арабов, так и русских, которые желали бы служить за границей, а также отсутствие твердой школьной системы. Существовала также неясность в отношении целей образования (этот вопрос не был решен и в России) и явно негативное отношение некоторых родителей и студентов к русскому языку. Несмотря на эти проблемы, Россия к 1904 г. открыла около 100 школ в Сирии, Ливане и Палестине. Православный арабский ребенок мог тогда поступить в начальную деревенскую школу, затем — среднюю школу и семинарию в Назарете, и если он был очень способным, его могли послать в Россию для получения дальнейшего образования. Об этом говорится в моей книге «Русское присутствие в Сирии и Палестине в 1843—1914 гг.». В данной работе я хочу с другой стороны рассмотреть проблемы, стоявшие перед русскими, и реакцию арабов.

Во-первых, это то, что вступили в контакт два совершенно разных общества. Россия была большой, сильной и во многих случаях действовавшей неуклюже страной, предпринимавшей свои первые шаги в новом, почти неизвестном районе, принося идеи, аргументы и личности из общества, находившегося в состоянии развития и изменений. Арабское православное общество представляло собой малочисленное меньшинство, жившее с мусульманским большинством, с устоявшимся образом жизни и в целом с устоявшимся отношением к себе и к своим соседям. Приход России в их жизнь неизбежно принес перемены, хорошие и плохие, напряженность и разочарование.

Как говорилось, целью русских школ было дать молодым православным арабам образование, которое познакомило бы их с основами православной веры. По мнению Императорского Православного палестинского общества (ИППО), благотворительного органа, в ведении которого находились эти школы, другие цели приветствовались, но были неobligательны. Признавалось важным, чтобы ученикам преподавали на арабском, с тем чтобы они могли слушать религиозные службы на своем собственном языке и принимать активное участие в культурной жизни. Это была похвальная политика, поскольку она уменьшала чувство отчуждения, которое могло возникнуть при использовании лишь иностранного языка. Но она претерпела изменения в силу ряда факторов. Во-первых, среди официальных лиц господствовало мнение, что в русских школах должен преподаваться язык, на котором говорит начальство, и не только ради самого языка, но и потому, что арабы полагали, что в иностранных школах должен преподаваться хотя бы один иностранный язык. К тому же знание русского языка позволило бы продолжать образование в двух средних школах в Назарете и Бейт-Джала, где необходимо было свободно владеть русским языком,

и даже для учебы в самой России. Это позволило бы им читать русских классиков литературы в подлиннике. Секретарь ИППО писал, что лучшие учителя читают курс русской литературы студентам и что заметно вырос интерес к русской политической и литературной жизни. «Все это свидетельствует о том, что изучение русского языка не напрасно и что это верное средство повышения знания арабами культуры их благодетелей. Им необходимо знать работы, показывающие не только светлые стороны русской жизни, но также негативные и тенденциозные стороны. В любом случае они получают эти знания в переводе и лучше, чтобы читал им хороший русский преподаватель, чем делать это исподтишка». Это было написано в 1914 г., несколько поздновато, и такое мнение шло явно вразрез с объявленными ИППО целями, а именно: давать образование только в духе православных традиций.

Поэтому русский язык в какой-то степени преподавался там, где было возможно. То, что школа была русской и в ней преподавался русский язык, создавало ей определенную репутацию и атмосферу. Русские гимны исполнялись на Рождество или на именины царя. Русский флаг развешивался, портреты царя и царицы висели на стенах, и православные арабы могли чувствовать, что имеют сильных покровителей. Арабские студенты — юноши и девушки — поражали гостей тем, как свободно они говорили по-русски. Там, где преподавали только русские учителя, не знавшие арабского, совершенно ясно — выбора не было.

В некоторых школах целые дни посвящались исключительно разговору на русском языке, и старшие юноши и девушки помогали младшим студентам. Знание русского языка было предметом гордости, и юноши из Назаретской школы намеренно распевали русские песни, гуляя по городу или бывая за городом.

Наряду с мнением секретаря ИППО, о котором он писал в 1914 г., существовали иные мнения среди русских и арабов, о чем речь ниже. Некоторые представители русского Министерства иностранных дел неодобрительно отзывались о традиционалистическом духе ИППО и неоднократно, по словам представителей Общества, «обращались с настоятельными просьбами изменить эти школы в соответствии с требованиями времени и жизни». Такие просьбы поддерживали сирийские и палестинские родители и студенты, считая, что школы должны отказаться или ограничить преподавание русского языка и религиозных предметов, уступив место «полезным наукам» и английскому и французскому языкам, знание которых, считалось, даст больше перспективы при устройстве на работу, чем знание русского языка. Сообщалось, что некоторые ученики отказывались изучать русский язык, если они пропускали уроки английского и французского языков. Сирец, выпускник Московского университета, Юлиан Халаби, выступая в Хомсе в 1910 году, таким образом подытожил это мнение: «Изучение русского языка в русской школе представляется для местного населения, у которого узкий, утилитарный подход, чем-то ненужным. Красота вообще и, в частности, красота русского языка, живого, нежного и могучего языка Тургенева, не может быть понята людьми, которые в первую очередь заботятся о куске хлеба». Представитель русского посольства в Константинополе подтвердил эту точку зрения: «Желание изучать английский и французский языки в большинстве случаев связано действительно с непреодолимой нуждой и не объясняется неблагодарностью их России за ее благотворительную деятельность».

Общество не смогло справиться с финансовыми трудностями и приняло помощь от Министерства иностранных дел в обмен на то, что Министерство иностранных дел взяло на себя роль старшего. В связи с этим в 1914 г. было решено изменить программу и было введено новое расписание, в которое входила современная русская литература, современная история и география, естественные науки и на выбор французский или английский языки. К сожалению, разразившаяся война помешала осуществлению этого и так и не пришлось узнать

результаты этого нововведения. Безусловно, интересно то, что Россия, открывая эти школы, хотела укрепить арабское православное общество в его вере, а кончилось это преподаванием западных светских предметов и светской русской литературы.

Помимо споров об использовании русского языка, ИППО сталкивалось и с другими трудностями. Система образования требовала хороших преподавателей, школ, денег и хороших учеников, и ни в одном из указанных районов русским не удавалось все это без трудностей. Основной трудностью было найти учителей как русских, так и арабов, и постоянно говорилось о недовольстве ими и их неудовлетворительной работе. Была горстка преданных делу преподавателей, проводивших большую часть своей деятельной жизни в этом районе. В большинстве же преподаватели работали недолго. Мало кого из русских привлекало преподавание в Сирии, поскольку платили мало, а условия в основном были плохими. Некоторые, приезжая, почти сразу же стремились уехать, оставались же только тогда, когда их предупреждали, что они назначены Министерством просвещения, находятся на государственной службе и должны соблюдать его правила. Общество сообщало, что трудности с набором преподавателей объяснялись тем, что у Православной церкви не было таких монахинь и дьякониц, которые бы преподавали там, куда их пошлют. «В наших школах работают непрофессионалы, среди которых порой можно было встретить человека, который шел на Восток ради идеи служения православию. Русских преподавателей привлекали две идеи: новые места и возможность заработать. И тем и другим вскоре это надоедало».

Тех же, кто оставался, обвиняли в высокомерии и вызывающем поведении в отношении своих коллег. Один представитель Министерства иностранных дел писал: «Недовольство школами ИППО повсеместно и усугубляется тем, что русский персонал относится к сирийцам с явным и оскорбительным презрением». В женских школах в Бейт-Джала подчеркивались преданность и усердие в работе арабских преподавателей, а русских критиковали за разболтанность и высокомерное отношение к их коллегам. Общество находилось в глубоком кризисе в результате этого: «Нигде нельзя увидеть столько начальников и важничавших персон, как на Востоке, и русские подхватили эту заразу и ведут себя высокомерно по отношению к арабам». «У русских учителей отвратительное высокомерие, и они живут отдельно от своих сирийских коллег, чего нельзя сказать о других иностранцах-преподавателях, которые, даже будучи монахами и членами религиозных обществ, живут вместе с арабами», — писал русский консул в Дамаске. Вполне понятно, что Общество сознавало, что такое отношение вело «к отсутствию сотрудничества между арабами и русскими. Русские жили хорошо, в то время как сирийцы должны были экономить. Они получали меньшую плату и были в основном из бедных семей». Поэтому было трудно найти подходящих преподавателей и за небольшим исключением, о чем говорилось выше, преподаватели часто менялись. «Преподаватели-женщины оставались дольше, особенно в Бейт-Джала, потому что там были хорошие условия, близко Иерусалим и жили другие русские. Они недолго задерживались в Дамаске, Назарете, Хайфе и Триполи. ИППО могло привлекать лишь молодых учителей, которые вскоре возвращались в Россию, чтобы жениться. Взрослые же с трудом отрывались от насиженных мест.

Трудности с арабскими преподавателями были иного порядка. Были и очень хорошие преподаватели, особенно Кустантин Кузьма, директор школы в Назарете, но в Сирии не было центра по подготовке учителей. ИППО пришлось начинать с нуля подготовку своих преподавателей, и это создавало ряд проблем. Когда студенты заканчивали учебу, они еще оставались молодыми, и некоторые родители не принимали их всерьез как преподавателей. Например, группа родителей в Назарете направила петицию, требуя, чтобы их сыновьям преподавали настоящие учителя, а не ученики средней школы в Назарете. Когда

новый учитель назначался в школу, родители отказывались посылать в нее своих детей, пока не убеждались в том, что это был за человек. Одной из главных характеристик преподавателей-мужчин были усы, которые считались приметой возраста и тем самым педагогических способностей. Один безусый преподаватель, назначенный ИППО, убежал через 3 дня в результате соответствующего отношения к нему. В другой деревне инспектору Общества было заявлено, что они наотрез отказываются учиться у безусых учителей! Более того, молодым арабским учителям вскоре надоедала жизнь в деревне и они уезжали либо в город, либо в Америку. В некоторых местах каждый 8-й из персонала ежегодно уезжал, и это ежегодно требовало замены 30 преподавателей, в то время как оканчивало школы в Назарете и Бейт-Джала всего лишь 14 учеников. Когда не было квалифицированных преподавателей, Общество сообщало: «Становятся учителями те, кто немного умеет писать. На следующий день им предлагают платить больше в гостинице, и они уходят». С другой стороны, значительное число арабских юношей и девушек все же заканчивали школу в Назарете и Бейт-Джала и становились хорошими преподавателями, работая в Обществе.

Сообщалось и о других проблемах теми русскими, которые работали в системе образования. Возможно, одной из самых больших трудностей было создание просветительских традиций в регионе, где школы для православных детей были редким явлением. Русские сознавали масштабы этой проблемы, которая так и не была решена. В конце XIX века было подсчитано, что в Сирии было 30 тыс. православных детей школьного возраста, что означало, что по крайней мере было нужно 300 школ с 1.000 преподавателей. В 1901 г. было всего 82 школы с 400 преподавателей и 11.000 учеников. В результате это приводило к тому, что дети либо вообще не ходили в школу, либо были вынуждены идти в неправославные школы или учиться в переполненных классах. Иногда на всю школу приходился всего один преподаватель, и сообщалось, что в классах Дамаска сидело более 50 учащихся. Старые, непригодные помещения часто вызывали раздражение. Например, школа в Бейт-Сахур подвергалась очень острой критике со стороны русских: «Школа исключительно плохая. Это грязная маленькая комната с одним несчастным учителем. Профессор Атайя (сирийско-эмигрант, живший в России) посетил эту школу в 1899 г. и писал: «Это не школа, даже не намек на школу, а просто грязная, неряшливая каморка, в которой грязные, невытые девочки гонялись друг за другом, находясь под присмотром невежественной, необразованной, темной женщины». Этот отрывок из официального отчета в Санкт-Петербург зачитывался публично президентом ИППО Великим князем Сергеем. Несмотря на поступавшие просьбы, русские так и не смогли открыть достаточно новых школ или же существенно улучшить положение в имевшихся школах.

И опять же были и замечательные исключения — женские школы в Бейт-Джала, Дамаске и Бейрусе, мужская школа в Назарете, смешанные школы в Триполи и несколько сельских школ в Ливане, а русские усердно трудились, чтобы создавать здоровые просветительские традиции с весьма ограниченными средствами, имевшимися в их распоряжении. В Палестине им потребовалось около 34 лет, чтобы добиться этого, в Сирии — всего лишь 19. Контроль за уровнем образования и дисциплины в разбросанных на больших расстояниях школах, было трудно осуществлять. Инспекторы могли бывать в некоторых школах только 2 раза в год, а поездки между «соседними» школами могли длиться по 2—3 дня. Поэтому контроль только назывался контролем, особенно в отдаленных школах, во главе которых стояли неквалифицированные преподаватели.

Программы, предлагавшиеся русскими школами, со временем менялись и варьировались в зависимости от типа школы. Взгляды на образование в самой России также оказывали влияние на программы школ в Сирии. Существовало два основных взгляда на образование. Один, которого придерживалось большинство «прогрессивных» русских, заключался в том, что необходимо изучать полезные предметы, английский и французский языки, если нужно, преподавать естественные науки и практические дисциплины, например, сельское хозяйство. Другие считали, что подлинная цель образования — это дать детям представление о христианской морали, которое вооружит их в борьбе, когда они станут взрослыми, против материализма и чисто утилитарного подхода. Наиболее крайние взгляды сводились к тому, чтобы в начальных школах преподавались лишь три «Р» и давались религиозные наставления в узких рамках православной веры.

Сельские школы в Сирии были в основном начальными школами указанного последнего типа, и среди некоторых членов Общества бытовало твердое мнение, что начальное православное образование является достаточным для большинства арабских детей. Продолжительность обучения не должна превышать 4-х лет, поскольку считается, что «детям пора начинать работать в 13 лет: до этого возраста дети получают образование в духе православия — такова цель Общества. В городах неизвестно, будут ли дети менять веру, пойдя в неправославную школу после окончания школы Общества. Поэтому мы не стремимся расширять сеть городских школ, поскольку это не будет служить первоначальной цели Общества, а будет лишь удовлетворять стремление местного населения — подготовить к жизни своих детей. Дальнейшее обучение может вызвать раскол среди местного населения. Это приведет лишь к большим расходам для Общества, к удовлетворению амбиций некоторых богатых граждан, а нам ничего не даст». Это выдержка от 1902 г. демонстрирует основной взгляд православия на образование, но под давлением обстоятельств он должен был уступить место другому взгляду, как мы это видели выше. Мужская школа в Назарете весьма четко подтверждает перемены, которые произошли в ее программе.

Преподавание русского языка не вызывало особых проблем, но в Назарете на нем настаивали с самого начала и его преподавание велось с определенным успехом. Первые программы включали в себя религиозные предметы, арабский язык, русский, арифметику, историю, географию — но все предметы были с религиозным уклоном. История часто сводилась к жизни святых, география — к святым местам, арабский язык — к катехизису и т. д. Преподавались также пение и музыка, такие песни, как «Боже, храни Царя», а скрипачи играли «Славен будь наш Русский Царь!». Постепенно вводились более практические предметы, ручные ремесла, в том числе переплетное ремесло, плотничество, разведение плодовых культур и садоводство. И, наконец, в новую программу было включено изучение английского и французского языков, современной истории и географии, а также естественных наук. Эти изменения Общество вынуждено было сделать в силу закона, принятого Думой, которая также предоставила средства.

Несмотря на названные выше проблемы, русская просветительская деятельность дала определенные положительные результаты. Появилось доброжелательное отношение к России, и это особенно ощущалось в Ливане. Реакция в Бискинте также не прошла незамеченной. В Триполи, как сообщалось Обществом, население было настроено дружелюбно и оказывало содействие, а также «проявляло заботу в отношении школы. Эта школа и другие школы в Сирии свидетельствуют о том, чего можно добиться, если существует дружба и сотрудничество между местными представителями Общества и православной иерархией». У ряда православных арабов возникла глубокая привязанность к России, чуть ли не отождествление себя с русским государством и царем, а также уважение к русской культуре.

На мальчиков и девочек в Назарете и Бейт-Джале, пусть и немногочисленных, получение русского образования оказывало глубокое воздействие. Русские стремились, чтобы ученики не слишком отчуждались от своего прошлого, стремясь в то же время дать им всестороннее русско-арабское образование. Не очень многим, (обычно мальчикам) удавалось научиться свободно говорить по-русски и читать с чувством восхищения русскую литературу. Для очень немногих это стало той основой, на которой создавалась их собственная культура, особенно в тех случаях, когда они завершали свое образование в самой России. Девочки получали больше практических навыков, но в каком-то смысле также получали образование, чуждое родной культуре. Это приводило к недовольству своей судьбой у себя дома и в деревнях, поскольку им открывался новый мир с новыми принципами и концепциями. В связи с этим неизбежно имело место отчуждение и в ряде случаев это приводило к разочарованию среди мальчиков и девочек, к разрыву с православной сектой и даже к эмиграции.

Русская просветительская деятельность была прервана войной и революцией именно тогда, когда она начала приносить большие успехи. Интересно, что эти успехи связывались с преподаванием нетрадиционных предметов, уделялось меньше внимания русскому языку и религии, что в значительной степени не было связано с целями Императорского Православного Палестинского общества. Получившие хорошее образование юноши и девушки стремились порвать со своим традиционным православным окружением и жить в более светском мире. К сожалению, то, что вначале русские могли предложить, в целом не соответствовало стремлениям православных арабов. Тем не менее русская просветительская деятельность все же оказала определенное влияние на ход развития арабского православного общества в Сирии в XIX — начале XX веков.